

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

УДК 81'42

DOI 10.23951/1609-624X-2018-7-9-14

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ И МАНИПУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭССЕ

Е. А. Никонова

*Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва*

Описаны особенности реализации функционального аспекта политического эссе. Политическое эссе находится на пересечении газетного и публицистического стилей, что определяет наличие информационной и воздействующей функции, реализуемых при помощи объективной и субъективной модальности. Автор прибегает к воздействующей функции для оказания влияния на адресата, убеждения его в своей правоте. При этом автор выражает свою позицию прямо и открыто. Под влиянием политического дискурса воздействующая функция переходит в манипулятивную. Автор использует манипуляцию, когда не хочет открыто выражать свои идеи, пытается незаметно навязать их читателю, поэтому для манипуляции характерна высокая степень субъективности.

Ключевые слова: политическое эссе, публицистический стиль, политический дискурс, манипулятивная функция, воздействующая функция, субъективная и объективная модальность.

Цель исследования – показать специфику реализации воздействующей и манипулятивной функции в политическом англоязычном эссе. Актуальность исследования обуславливается возрастающим интересом к данным функциональным аспектам публицистического текста ввиду распространения информационных войн. Новизна работы заключается в том, что политическое эссе практически не исследовалось с точки зрения реализации манипулятивной функции. Материалом исследования послужили англоязычные политические эссе, взятые из американских и британских журналов.

Эссе рассматривается как наджанровое образование, постоянно перерастающее свои границы [1, с. 120]. Действительно, в эссе находим характерные черты публицистического, художественного и научного стилей, что усложняет задачу выявления его жанрообразующих черт. По словам А. Любинского, «смещение жанров и есть его главный принцип» [2, с. 166]. При этом большинство исследователей склонны относить эссе к публицистическому стилю, указывая на то, что образность речи, проявление индивидуального, наличие эмоциональной составляющей являются характерными для данного жанра.

Политическое эссе представляет собой особый тип текста, находящийся на пересечении газетного и публицистического стилей, а также под влиянием политического дискурса. С одной стороны, в политическом эссе проявляются черты газетного стиля – малое количество или отсутствие «субъективно-оценочных лексических и синтаксических элементов, однородность изложения» [3, с. 574], сухость и логичность повествования, а также нацеленность на объективное информирование массового читателя. Под влиянием газетного стиля информационная часть эссе занимает важное место и выражается, например, в том, что автор открыто вводит основную мысль эссе: как правило, она фигурирует в заголовке или подзаголовке эссе. Благодаря газетному стилю в политическом эссе реализуется информационная функция. Целевая установка на информацию и информационный комментарий определяет «сжатую, синтаксически абстрактную» [4, с. 56] форму языка политического эссе.

С другой стороны, политическое эссе имеет черты публицистического стиля, высокая степень экспрессивности и оценочности которого определяет наличие в политическом эссе воздействующей функции. Данный функциональный аспект помогает автору убедить читателя «в правильности

выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько логически обоснованной аргументацией, сколько силой, эмоциональной напряженностью высказывания, показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели» [5, с. 336]. Воздействующая функция реализуется в тексте через субъективную модальность. При этом под данным явлением понимаем разновидность модальности, которая отражает авторское видение мира, а также выражает ценностные и эмоциональные установки общества. При воздействии адресант рассматривает адресата как равноправного участника диалога, ожидая от него критического осмысления текста, поэтому воздействует на намерения адресата открыто. Как правило, автор прибегает к воздействию при трансляции тезисов, лежащих на поверхности, чаще всего они заявлены в заголовке или подзаголовке эссе и им посвящен сам текст. Таким образом, читатель осознанно выбирает данное эссе для того, чтобы ознакомиться с позицией автора, вероятно, знаком с тематикой эссе и готов принимать равноправное участие в диалоге с автором.

Как показало данное исследование (проводилось на материале эссе качественной англоязычной прессы; было проанализировано 50 эссе общим объемом 350 страниц), в ядре средств реализации субъективной модальности в политическом эссе находятся метафора (21 %), эмоционально-оценочная лексика (17 %) и эпитеты (15 %). Ниже приведен пример реализации данных средств в эссе, посвященных положению Китая. Одна из идей, при трансляции которой автор прибегает к воздействующей функции, – негативная оценка отсутствия демократических ценностей в Китае. США и Великобритания считают себя носителями демократических идей, поэтому в данных странах всегда делается особый акцент на важность наличия демократических свобод, без которых, по их мнению, невозможно нормальное развитие государства. В эссе «The China Reckoning» автор описывает политику Пекина следующим образом:

So rather than embracing positive cycles of openness, Beijing responded to the forces of globalization by putting up walls and tightening state control, constricting, rather than reinforcing, the free flow of people, ideas, and commerce. Additional stresses on the regime in this century – including an economic slowdown, endemic corruption in the government and the military, and ominous examples of popular uprisings elsewhere in the world – have spurred more authoritarianism, not less [6].

При помощи эмоционально окрашенной лексики автору удается обесценить политический курс Китая, который, по его мнению, направлен на де-

либерализацию и дедемократизацию. Проводимая Китаем политика описывается при помощи слов с семой «принуждение» (*tighten, constrict, spur*), создавая у читателя ощущение, что Китай насильно навязывает своему народу такой режим, а также метафоры «возводить стены» (*put up walls*), которая вызывает у читателя ряд ассоциаций, направленных на формирование мнения, что Китай – это тюрьма для собственных граждан. Кроме того, автор перечисляет проблемы (*economic slowdown, endemic corruption*), которые способствуют усилению авторитарного режима в Китае. Вставная конструкция позволяет автору акцентировать внимание читателей на проблемном положении Китая и усилить негативное восприятие политического курса страны. В решении данной задачи важную роль играет противопоставление Китая с его недемократическими ценностями остальному миру при помощи сравнительной конструкции *rather than... rather than*. Учитывая направленность статьи, образ Китая при этом выступает как образ «чужого» (т. е. плохого), в то время как весь другой мир, разделяющий или стремящийся к демократическим ценностям, как «свой» (то есть хороший).

Эпитеты, как и эмоционально-оценочная лексика, позволяют автору сформировать в сознании читателя нужный ему образ:

Most obviously it's corrupt officials and business people, targeted in a draconian anti-corruption drive that is also a purge. But it's also the country's liberals [7].

В эссе «Like Trump...» автор транслирует читателю мысль о том, что даже антикоррупционная политика в Китае приняла антидемократические формы, прибегая к эпитету «безжалостный». Данный эпитет является высокоэкспрессивным ввиду своего этимологического происхождения: в основе прилагательного лежит отсылка к своду законов, принятых древнегреческим законодателем Драконом и предусматривающих смертную казнь за небольшие правонарушения. Таким образом, автор формирует отношение к данной политике как «несправедливой», подтверждение чему мы находим в следующем предложении: жертвами «чистки» стали либеральные политики.

Внедрению в сознание читателей негативной оценки недемократических ценностей Китая способствует трансляция тезиса «Китай – потенциальная угроза».

Автор эссе «Like Trump, the Chinese leader is pushing a political system to its limits» характеризует текущую политическую систему Китая при помощи повторяющейся метафоры – «эксперимент» («political experiment»; «China's unprecedented domestic experiment»). Одно из значений слова

«эксперимент» – это ряд пробных действий, в результате которых нет уверенности (Oxford Dictionary). Таким образом, при помощи метафоры автор создает у читателей аналогию с неконтролируемым экспериментом, чей результат неизвестен и, вероятно, не будет иметь позитивного исхода. Так, автор пишет о том, что сегодняшняя политическая система Китая базируется на самых разных идеологиях, апеллируя к эмпирическому опыту читателей, что необдуманное смешение самых разных ингредиентов во время эксперимента, как правило, имеет негативный результат.

And the 64 trillion-dollar question is whether this re-centralised authoritarian system – part Leninist-Maoist-Dengist, part Chinese-imperial, part entirely novel – can successfully manage the development of an increasingly complex economy and society [7].

В данном примере автор неслучайно прибегает к парентезу, который призван акцентировать внимание читателя на том, насколько разные идеологии лежат в основе политической системы Китая, что является не только абсурдным, но и опасным.

Далее автор отмечает, что не существует инструкции к политическому эксперименту Китая, что, несомненно, делает негативный исход более вероятным:

We have no playbook for the evolution of Leninist capitalism [7].

Для усиления ощущения враждебности Китая автор использует личное местоимение «мы» (*we*) и таким образом переводит Китай в разряд «чужих» (т. е. плохих, опасных), противопоставляет его остальному миру (*we – China*).

В статье «Trump is right: China's a trade cheat» для описания негативного, опасного влияния Китая на международный торговый рынок автор также прибегает к метафоре:

The scale and speed of China's integration into the world trading system (имеется в виду вступление Китая в ВТО. – Е. Н.) made it a seismic event. The distinguished economist David Autor, along with two colleagues, has published study after study on the impact of the so-called China Shock. They conclude that about a quarter of all manufacturing jobs lost in the United States between 1990 and 2007 could be explained by the deluge of Chinese imports. Nothing on this scale had happened before [8].

В данном отрывке интеграция Китая в международный рынок характеризуется при помощи метафоры «сейсмическое явление» (*seismic event*): автор, как и в предыдущем тексте, описывает «китайский фактор» для международного сообщества при помощи слов, имеющих в своей основе сему «неконтролируемости», «непредсказуемости». Кроме того, автор называет выход Китая на

международный экономический рынок «шоком Китая» (*China Shock*), что является аллюзией на «шок Никсона» (*Nixon Shock*), когда Америка в одностороннем порядке отказалась от привязки курса доллара к золоту, в результате чего обрушилась международная валютная система; в долгосрочной перспективе данный отказ имел негативные последствия не только для всего мира, но и для экономики США. Таким образом автор воздействует на читателя, проводя параллель между сегодняшними событиями и событиями 1970-х гг., последствия которых большинство читателей должны хорошо знать и помнить, что позволяет закрепить в их сознании восприятие Китая как потенциальной угрозы. Для того чтобы звучать более убедительно, автор прибегает к инструменту объективации собственного мнения, приводя цитату известного экономиста Дэвида Автора, который называет Китай причиной возросшей безработицы в производственном секторе США.

Помимо того что политическое эссе сочетает в себе черты газетного и публицистического стилей, как говорилось ранее, его специфика определяется влиянием политического дискурса. Под политическим дискурсом понимаем самостоятельный вид дискурса, основной целью которого является борьба за власть. Приняв такое определение, целесообразно говорить о манипулятивной природе политического дискурса. Вопросы манипуляции уделяют достаточное внимание как зарубежные (Р. Пратканис, Э. Аронсон), так и отечественные (С. Кара-Мурза, В. Соловей, Е. Л. Доценко, К. Ф. Седов, С. Смирнов) исследователи. На основе анализа работ ученых, занимающихся вопросом манипуляции, можно выделить основные черты манипуляции: скрытый характер и направленность на изменение установок, взглядов, поведения адресата.

Исследователи едины во мнении, что манипуляция всегда носит скрытый характер. Так, С. Кара-Мурза определяет манипуляцию как «воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний» [9, с. 23], поскольку ее можно считать успешной только тогда, когда адресат не просто начинает делать то, что ему навязывается, но считает это своим добровольным решением. Схожее определение находим у В. Е. Чернявской, которая понимает под манипуляцией «скрытое побуждение адресата к совершению определенных действий» [10, с. 19], при помощи чего в его сознание внедряются определенные желания, установки, отношения, выгодные для отправителя сообщения. Целью лингвистической манипуляции является принуждение манипулируемого лица (адресата) к тому, «чтобы принять определенные высказывания за истинные без учета всех аргументов» [10, с. 19]. Другой отличительной чертой манипуляции является

направленность на изменение установок, взглядов, поведения адресата. С. Кара-Мурза отмечает, что данная особенность заложена в самом слове «манипуляция», которое первоначально использовалось для обозначения действий фокусников без специальных приспособлений: ведь для успешного выступления фокусники используют целый ряд техник для отвлечения внимания и воздействия на воображение зрителей. Исследователями выделяются разные типы манипуляции: искажение информации, селекция информации, умолчание, создание ситуации мнимого выбора, генерализация и т. д., при этом отмечают, что независимо от типа манипуляция призвана программировать мысли, намерения, чувства, отношения, установки и поведение адресата (Г. Шиллер), изменять его внутренний мир (Д. А. Волкогонов), а также указывают на то, что манипулятор воздействует на процесс принятия решения о выборе (Л. Пронто).

В политическом эссе автор прибегает к манипуляции, когда хочет оказать на читателя скрытое воздействие. При манипуляции адресат рассматривается как пассивный объект и для адресанта важно скрыть факт оказания воздействия на его намерения, в связи с чем адресант стремится скрыто возбудить у адресата намерения, не совпадающие с существующими на данный момент. Как правило, автор обращается к манипуляции для трансляции дополнительных тезисов, которые зачастую совсем не связаны с темой эссе и являются высокосубъективными. Читатель не отдает себе отчета в том, что ему могут навязывать данные идеи/мысли, и не может противостоять оказываемому воздействию. Не случайно одним из основных условий манипуляции является неспособность адресата критически перерабатывать поступающий сигнал, в связи с чем манипулятор часто прибегает к различным тактикам отвлечения внимания.

Все исследователи сходятся на том, что в реализации манипуляции участвуют самые разные ресурсы языка, где основная роль отводится лексическим средствам (В. Соловей, С. Кара-Мурза, Катенева), таким как омонимия, сравнение, метафоры, окказионализмы, эпитеты и т. д.:

The prospects for China's highly political economy matter not just for the Chinese people and the world economy. <...> In the worst case we could see a Chinese version of Putinism, with repression at home and hybrid aggression abroad [7].

В данном отрывке автор пытается убедить читателя в том, что Китай представляет собой опасность для мировой экономики, сравнивая его с Россией. При этом автор манипулирует сознанием читателей, используя окказионализм «путинизм» (*Putinism*), в качестве доминантных черт которого выделяется политика внутренних репрессий и ги-

бридной агрессии во внешней политике, таким образом, в сознании читателей формируется логическая цепочка «Путин – Россия – агрессия». Важно отметить, что автор упоминает о России как бы мимоходом и бездоказательно утверждает, что Россия – агрессор. Данный тезис является неожиданным для читателя (так как статья посвящена Китаю) и блокирует его способность критически мыслить и анализировать, в связи с чем автор легко может навязать ему данную мысль.

В другой статье «*Trump is right*» в газете *the Washington Post* автор утверждает, что Китай – крупнейший международный мошенник:

And then there is cybertheft. The most extensive cyberwarfare waged by a foreign power against the United States is done not by Russia but by China [8].

Автор не просто оказывает воздействие на читателя при трансляции данной мысли, используя противопоставление (*not by Russia but by China*), но и манипулирует читателем, упоминая Россию как одного из самых крупных разжигателей кибервойны. Данную мысль автор вводит как факт, не требующий доказательств, несмотря на его спорный характер. Таким образом, безапелляционное упоминание России в данном контексте закрепляет мысль о том, что Россия – киберагрессор (если не самый крупный, то «один из»).

Один из тезисов, транслируемых при помощи средств манипуляции в проанализированных эссе: Трамп – несостоятельный президент. Авторы характеризуют Трампа при помощи таких эпитетов, как «чудаковатый», «нарциссичный», «себялюбивый», называя его «задирой» (*erratic US president, erratic, narcissistic, egomaniac bully [7]*), а его политику – как «чуждую условностям» (*unconventional methods [8]*), «смехотворно поверхностную и любительскую» (*Many of the Trump administration's economic documents have been laughably sketchy and amateurish [8]*). Данные эпитеты создают образ неразумного политика, неспособного управлять страной.

Ever since the resignation of top advisers Gary Cohn and H. R. McMaster, it does seem as if the Trump White House has gotten more chaotic, if that is possible. But amid the noise and tumult, including the alarming tweets about Amazon and Mexico, let's be honest – on one big, fundamental point, President Trump is right: China is a trade cheat [8].

Ключевая идея данного эссе – Трамп был прав, что Китай ненадежный торговый партнер. Для ее трансляции автор прибегает к воздействию, противопоставляя очень важную правильную мысль президента общему хаосу его администрации. Однако не менее важной является мысль о неспособности Трампа управлять страной, находящаяся за пределом фокуса внимания читателя.

Автор называет правление Трампа «хаотичным» (*chaotic*), прибегает к аллегории, называя его политику – «шум и крик» (*noise and tumult*). Все это помогает автору создать достаточно яркий образ бессмысленности деятельности президента. Кроме того, говоря о том, что мысль Трампа о Китае-мошеннике – единственная правильная (*one big fundamental point*), автор подчеркивает безрезультатность всего, что делает Трамп.

Итак, политическое эссе – это особый жанр, находящийся на пересечении публицистического и газетного стилей. Газетный стиль определяет объективность и нацеленность на информирование политического эссе. Под влиянием публицистиче-

ского стиля через субъективную модальность в эссе реализуется воздействующая функция. Автор прибегает к воздействующей функции для усиления, акцентирования важных, с его точки зрения, моментов. При этом автор рассматривает читателя как равного и действует «открыто». Кроме того, специфика политического дискурса определяется влиянием политического дискурса, который способствует реализации манипулятивной функции. Автор прибегает к манипуляции, когда ему необходимо незаметно навязать читателю какую-либо мысль, поэтому, как правило, с помощью нее транслируются дополнительные субъективные мысли автора.

Список литературы

1. Эпштейн М. Н. Законы свободного жанра (эссеистика и эссеизм в культуре Нового времени) // Вопросы литературы. 1987. № 7. С. 120–153.
2. Любинский А. Эссе // На перекрестье. СПб.: Алетейя, 2007. С. 165–170.
3. Никонова Е. А. Синтаксические стилистические средства реализации модальности в политическом эссе // Большое евразийское партнерство: лингвистические, политические и педагогические аспекты: сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 573–580.
4. Винокур Г. О. Культура языка. М.: Лабиринт, 2006. 256 с.
5. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1958. 462 с.
6. Campbell K. M., Ratner E. The China reckoning. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning> (дата обращения: 02.06.2018).
7. Ash T. G. Like Trump, the Chinese leader is pushing a political system to its limits. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/27/trump-xi-jinping-peace-war-us-president-china> (дата обращения: 02.06.2018).
8. Zakaria F. Trump is right: China's a trade cheat. URL: <https://fareedzakaria.com/columns/2018/4/6/trump-is-right-chinas-a-trade-cheat> (дата обращения: 02.06.2018).
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
10. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2017. 128 с.

Никонова Екатерина Андреевна, преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454). E-mail: ekatnikon2014@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 14.06.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2018-7-9-14

SPECIFIC CHARACTER OF INFLUENCE AND MANIPULATION FUNCTIONS REALISATION IN AN ENGLISH POLITICAL ESSAY

E. A. Nikonova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

In recent years the spread of information warfare has encouraged increasing interest to influencing and manipulative capacity of media. In this regard it appears to be relevant to analyse how this capacity is realized in different publicistic texts. The article aims to illuminate the function specific of a political essay. A political essay combines features of publicistic and newspaper styles. Newspaper style determines realization of informative function while publicistic style – influence function. Those functions are realized through objective and subjective modality respectively. The author uses influence function to impose on readers his ideas and positions, which he does openly and directly. Usually these ideas are stated in the title of the essay and the essay itself is devoted to it. The analysis implies that the influence function is most commonly represented by metaphors, emotionally loaded words and epithets. A political essay is also influenced by the political discourse, which is highly manipulative by its nature. So political discourse makes influence function evolve into manipulation one. The author manipulates when he does not

want to reveal his position and tries to indistinguishably force it on readers. That is why the author uses manipulation function to communicate ideas, which are not openly stated and usually are not mentioned in the title or subtitle of the essay.

Key words: *political essay, publicistic style, political discourse, manipulation function, influences function, subjective and objective modality.*

References

1. Epshteyn M. N. Zakony svobodnogo zhanra (esseistika i esseizm v kul'ture Novogo vremeni) [The free genre rules (essayistics and essaysm in the culture of the new era)]. *Voprosy literatury*, 1987, no. 7, pp. 120–153 (in Russian).
2. Lyubinskiy A. Esse [Essey]. *Na perekrest'ye* [At the crossroads]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. Pp. 165–170 (in Russian).
3. Nikonova E. A. Sintaksicheskiye stilisticheskiye sredstva realizatsii modal'nosti v politicheskom esse [Syntactic stylistic tools of modality in a political essay]. *Bol'shoye evraziyskoye partnerstvo: lingvisticheskiye politicheskiye i pedagogicheskiye aspekty: sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Big Eurasian partnership: linguistic, politic and pedagogic aspects: materials of the international academic conference]. Moscow, Moscow Region State Universtiy Publ., 2018. Pp. 573–580 (in Russian).
4. Vinokur G. O. *Kul'tura yazyka* [Language culture]. Moscow, Labirint Publ., 2006. 256 p. (in Russian).
5. Gal'perin I. R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [English stylistics essay]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1958. 462 p. (in Russian).
6. Campbell K. M., Ratner E. *The China reckoning*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2018-02-13/china-reckoning> (accessed 2 June 2018).
7. Ash T. G. *Like Trump, the Chinese leader is pushing a political system to its limits*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/27/trump-xi-jinping-peace-war-us-president-china> (accessed 2 June 2018).
8. Zakaria F. *Trump is right: China's a trade cheat*. URL: <https://fareedzakaria.com/columns/2018/4/6/trump-is-right-chinas-a-trade-cheat> (accessed 2 June 2018).
9. Kara-Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniyem* [Mind manipulation]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 832 p. (in Russian).
10. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobiye*, 3-e izd [Authority discourse and discourse authority: verbal influence: textbook, 3rd edition]. Moscow, Flinta Publ., 2017. 128 p. (in Russian).

Nikonova E. A., MGIMO University (pr. Vernadskogo, 76, Moscow, Russian Federation, 119454).
E-mail: ekatkron2014@yandex.ru